

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

INFORMATION BULLETIN

Nr. 61

ИЮНЬ 1989 JUNI

АННА АХМАТОВА

23. 6. 1889 — 5. 3. 1966

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Анатолий НАЙМАН

*Рассказы о
Анне Ахматовой*

Памяти Раисы Орловой

Новые поступления книг.

Вера Александровна Самсонова.

Хроника. Сообщения.

План мероприятий на III-ий квартал 1989 г.

На обложке:

*Портрет работы Юрия Анненкова
1921.*

*Das Informations - Bulletin erscheint vierteljährlich
und wird herausgegeben von der*

Tolstoi-Bibliothek

Thierschstr. 11/2, D-8000 München 22

Tel.: 089/29 97 75

РАССКАЗЫ О АННЕ АХМАТОВОЙ

Я познакомился с Ахматовой осенью 1959-го, мне исполнилось двадцать три года. Были общие знакомые повод нашелся. К этому времени я уже несколько лет писал стихи, мне хотелось, чтобы Ахматова услышала их. И мне хотелось, чтобы они ей понравились.

Она жила тогда в Ленинграде на улице Красной Конницы, прежде Кавалергардской, дом 3, квартира 4.

Женщина, открывшая мне дверь, и гостья, в эту минуту уходившая от неё, и седой улыбающийся господин, встретившийся в коридоре, и девушка, промелькнувшая в глубине квартиры, показались мне необыкновенными, необыкновенной внешности, носящей печать и тайну причастности к её жизни. А сама она была ошеломительно — скажу неловкое, но наиболее подходящее слово — грандиозна, неприступна, далека от всего, что рядом, от людей, от мира, безмолвна, неподвижна. Первое впечатление было, что она выше меня, потом оказалось, что одного со мной роста, может быть, чуть пониже. Держалась очень прямо, голову как бы несла, шла медленно и, даже двигаясь, была похожа на скульптуру, массивную, точно вылепленную — мгновениями казалось, высеченную, — классическую и как будто уже виденную как образец скульптуры. И то, что было на ней надето, что-то ветхое и длинное, возможно, шаль или старое кимоно, напоминало легкие тряпки, накинутые в мастерской ваятеля на уже готовую вещь. Много лет спустя это впечатление отчетливо всплыло передо мной, соединившись с записью Ахматовой о Модильяни, считавшем, что женщины, которых стоит лепить и писать, кажутся неуклюжими в платьях.

Женщина, впустившая меня в квартиру, внесла блюдечко, на котором лежала одинокая вареная морковка, неаккуратно очищенная и уже немного подсохшая. Может быть, такова была диета, может быть, просто желание Ахматовой или следствие запу-

ценного хозяйства, но для меня в этой морковке выразилось в ту минуту её бесконечное равнодушие - к еде, к биту, - чуть ли не аскетичность, и одновременно её неухоженность и даже её бедность.

Я застал её в сравнительно благополучные годы. Литфонд выделил ей дачу в Комарове, дощатый домик, который она скорее добродушно, чем осуждающе, называла Будкой, как хатку под Одессой, где она родилась. Его и сейчас можно видеть, один из четырех на мисочке между улицами Осипенко и Озерной. Как-то раз она сказала, что нужно быть незаурядным архитектором, чтобы в таком доме устроить только одну жилую комнату. В самом деле: кухонька, комната средних размеров, притом довольно темная, а все остальное - коридоры, веранда, второе крыльцо. Один угол топчана, на котором она спала, был без ножки, туда подкладывались кирпичи. Когда в 1964 году она поехала в Италию получать литературную премию, некоторые носильные вещи пришлось брать взайми; по возвращении я отнес шерстяной свалевшийся шарф вдове Алексея Толстого. Те, с кем она жила в Ленинграде в одной квартире, Ирина Николаевна Пунина (это она открыла мне дверь), дочь последнего мужа Ахматовой, и Аня Каминская, его внучка, не могли уделить ей достаточно внимания, у них были свои семьи, заботы, дела, а тут требовалась самоотверженность.

Бездомность, неустроенность, скитальчество. Готовность к утратам, пренебрежение к утратам, память о них. Неблагополучие, как бы само собой разумеющееся, не напоказ, но бьющее в глаза. Не культивируемое, не-спутанные волосы, не-намеренно занашивание платья до дыр. Не поддельное - "три месяца уже не дают визу в Париж". Неблагополучие как норма жизни. И сиюминутный счастливый поворот: какого-то дела, как вспышка, лишь освещал несчастную общую картину. "Выгодный" перевод, который ей предлагали, означал недели или месяцы утомительной работы, напоминал о семидесятирублевой пенсии. Переезд на лето в Комарово начинался с поисков дальней родственницы, знакомой, приятельницы, которая уха-

живала бы за ней, помогала бы ей... Вручение итальянской премии или оксфордской мантии подчеркивало, как она больна, стара. Точно так же ее улыбка, смех, живой монолог, шутка подчеркивали, как скорбно ее лицо, глаза, рот.

Неблагополучие – необходимая компонента судьбы поэта, во всяком случае поэта нового времени. Ахматова считала, что настоящему а р т и с т у, да и вообще стоящему человеку, не годится жить в роскоши. "Что это он фотографируется только рядом с дорогими вещами? – заметила она, рассматривая в журнале цветные фотографии Пикассо, – Как банкир". Вернувшись из Англии, она рассказала о встрече с человеком, занимавшим в ее жизни особенное место. Сейчас он жил, по ее словам, в прекрасном замке, окруженном цветниками, слуги, серебро. "Я подумала, что мужчине не следует забираться в золотую клетку". Когда Бродского судили и отправили в ссылку на Север, она сказала: "Какую биографию делают нашему рижскому! Как будто он кого-то нарочно нанял". А на мой вопрос о поэтической судьбе Мандельштама, не заслонена ли она гражданской, общей для миллионов, ответила: "Идеальная".

"Смиренная, одетая убого, но видом величавая жена". Стоя на троллейбусной остановке после очередного визита к ней, я поймал себя на том, что уже некоторое время машинально повторяю эти строчки, и тотчас усмеялся тому, что слишком уж она похожа на эту пушкинскую "школьную надзирательницу", как будто нарочито похожа. Я тут же одернул себя, подумав, что своей усмешкой тоже толкую превратным образом "понятный смысл правдивых разговоров".

Однажды она обранила: "Мы вспоминаем не то, что было, а то, что однажды вспомнили!" После ее смерти я стал вспоминать ее и с тех пор вспоминаю свои воспоминания. Но она оставяла о себе воспоминания с секретом. Например, как-то раз рассказывая про свой роман с Блоком, она с брезгливостью отозвалась о глубинах и изобретательности человеческой пошлости: некто, прочитав в "Поэме без героя": "А теперь бы домой скорее Камероновой галереей", – стал делать намеки на возможные ее связи, чуть ли не адюльтер, с кем-то из обитате-

лей царского дворца. Она сделала упор именно на изошренности безнравственного ума, и с расставленными таким образом ударениями это замечание много лет хранилось в моей памяти вместе с другими в этом духе. Но также и вместе с разрозненными, произнесенными в разное время упоминаниями конкретно о Царском Селе.

В другой раз она продекламировала шуточные царскосельские стихи, связанные с приездом в Россию французского министра Люббе: он не знал про недавний морганатический брак великого князя Павла Александровича и княгини Палей, бывшей прежде женой Пистолькорса, и обратился с вопросом о нем к императрице.

-Où est Prince Paul, dites-moi, Madame? -

спросил Люббе, согнувши торс.

--Il est parti avec ma femme! -

из свиты брякнул Пистолькорс.

Постепенно, с течением лет сознание исподволь сопоставляло эти воспоминания, обрывочные сведения, случайные замечания, записи, пока они не образовали пусть ущербную, но общую картину.

Тут уместно привести ее письмо 1960 года. Я получил его из ее рук, хотя написано оно не мне, вернее не именно мне. Это одно из "писем к NN", которые наиболее основательный исследователь ахматовской поэзии Тименчик назвал посланиями "на предъявителя". В последнее десятилетие жизни она написала их несколько, и несколько человек, один из них я, могли бы с достаточным основанием, ссылаясь на ту или иную конкретную фразу, считать себя их адресатами. То, о котором идет речь, лежало в старом итальянском сундуке, креденце, стоявшем в ее комнате и полном рукописями, папками, тетрадами, старыми корректурами и т.п. В один из зимних дней 1964 года, прервав беседу, коснувшуюся тогдашнего поэтического бума и поворота в ее судьбе (публикация на Западе "Реквиема", итальянская премия и т.д.), она сказала: "Откройте креденцу и найдите там-то такое-то письмо". Я нашел, в него был вложен еще один исписанный лист, о кото-

ром разговор дальше. "Это вам". Я поблагодарил и спрятал их в карман, она заговорила на другую тему.

"На целый ряд Ваших писем мне хочется ответить следующее.

Последнее время я замечаю решительный отход читателя от моих стихов. То, что я могу печатать, не удовлетворяет читателя. Мое имя не будет среди имен, которые сейчас молодежь (стихами всегда ведает молодежь) подымет на щит.*

Хотя сотня хороших стихотворений существует, они ничего не спасут. Их забудут.

Останется книга посредственных, однообразных и уж конечно старомодных стихов. Люди будут удивляться, что когда-то в юности увлекались этими стихами, не замечая, что они увлекались совсем не этими стихами, а теми, которые в книгу не вошли.

Эта книга будет концом моего пути. В тот подъем и интерес к поэзии, который так бурно начинается сейчас, - я не войду, совершенно так же, как Сологуб не переступил порог 1917 года и навсегда остался замурованным в 1916. Я не знаю, в какой год замуруют меня, - но это не так уж важно. Я слишком долго была на авансцене, мне пора за кулисы.

Вчера я сама в первый раз прочла эту роковую книгу. Это хороший добротный третий сорт. Все сливается - много садов и парков, под конец чуточку лучше, но до конца никто не дочитает. Да и потом насколько приятнее самому констатировать "полное падение" (*chute complète*) поэта. Мы это знаем еще по Пушкину, от которого все отшатнулись (включая друзей, см. Карамз.).

* Так было уже один (а м.б., и не один) раз в 20-х годах, когда еще были живы мои читатели 10-х годов. Тогдашняя молодежь жадно ждала появления какой-то новой великой революционной поэзии и в ее честь топтала все кругом (всп. Гаспара, 1929). Тогда все ждали чудес от Джека Алтаузена. (Прим. А.Ахматовой).

Между прочим (хотя это уже другая тема), я уверена, что сейчас вообще нет читателей стихов. Есть переписчики, есть запоминатели наизусть. Бумажки со стихами прячут за пазуху, стихи шепчут на ухо, беря честное слово тут же все навсегда забыть, и т.д.

Напечатанные стихи одним своим видом возбуждают зевоту и тошноту – людей перекормили дурными стихами. Стихи превратились в свою противоположность. Вместо: Глаголом жги сердца людей – рифмованные строки вызывают скуку.

Но со мной дело обстоит несколько сложнее. Кроме всех трудностей и бед по официальной линии (два постановления ЦК'а), и по творческой линии со мной всегда было сплошное неблагополучие, и даже, м.б., официальное неблагополучие отчасти скрывало или скрашивало то главное. Я оказалась довольно скоро на крайней правой (не политич.). Левее, следственно новее, моднее, были все: Маяковский, Пастернак, Цветаева. Я уже не говорю о Хлебникове, который до сих пор новатор par excellence. Оттого идущие за нами "молодые" были всегда так остро и непримиримо враждебны ко мне, напр. Зоболоцкий и, конечно, другие обереуты. Салон Бриков планомерно боролся со мной, выдвинув слегка припахивающее доносом обвинение во внутренней эмиграции. Книга обо мне Эйхенбаума полна пуга и тревоги, как бы из-за меня не очутиться в лит. обозе. Через несколько десятилетий все это переехало за границу. Там для удобства и чтобы иметь развязанные руки, начали с того, что объявили меня ничтожным поэтом (Харкинс), после чего стало очень легко со мной расправиться, что не без грации делает в своей антологии Ripolino. Не зная, что я пишу, не понимая, в каком положении я очутилась, он просто кричит, что я исписалась, всем надоела, сама поняла это в 1922 и так далее.

Вот примерно, все, что я хотела Вам сказать по этому поводу. Разумеется, у меня в запасе множество примеров,

подтверждающих мои мысли. Впрочем, Вам они едва ли интересны.

1960. 22 янв.-29 фев.

Ленингр.-Москва".

*Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья.
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.*

Это сказала молодая Ахматова. С какого-то времени, если не с самого начала, все ее творчество становится подчиненным одному желанию - превратить мертвое в живое. Магия, вызываемая феноменом поэзии, граничит у нее с колдовским искусством вызывать умерших: живым голосом ушедших хотела она говорить. Высшей концентрации эти усилия достигли в "Поэме без героя". "Их голоса я слышу... - пишет она о друзьях, погибших в ленинградскую блокаду, - когда читаю поэму вслух..." - и впечатление такое, что голоса звучат не только в ее памяти, но и в ее реальности.

*Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце "палевый локон",
У кого пред глазами тьма?
"Помогите, еще не поздно!
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!"
Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом поле
И невидимых звон копий...
И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у Бога
И кто будет на веки забыт.
Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь,-
И дождался он. Стройная маска*

На обратном "Пути из Дамаска"
 Возвратилась домой... не одна!
 Кто-то с ней "без лица и названья"...
 Недвусмысленное расставанье
 Сквозь косое пламя костра
 Он увидёл. - Рухнули зданья...
 И в ответ обрывок риданья:
 "Тя, Голубка, солнце, сестра!
 Я оставлю тебя живою,
 Но ты будешь моей вдовою,
 А теперь...

Прощаться пора!

"Поэму без героя" Ахматова начала писать в пятьдесят лет и писала до конца жизни. Во всех смыслах эта вещь занимала центральное место в ее творчестве, судьбе, биографии. Это была единственная ее книга после пяти первых, то есть после 1921 года, при этом не в одном ряду с ними, а их - как и все, что вообще написала Ахматова, включая самое Поэму, - покрывшая собою, включившая в себя. Когда в письме 1960 года она заметила, что "по творческой линии со мной всегда было сплошное неблагополучие, и даже, м.б., официальное неблагополучие отчасти скрывало и скрашивало то главное", то вполне вероятно, что в виду имелось также и это отсутствие после "Anno Domini" книг с единым лирическим сюжетом, который делал поочередно "Вечер", "Четки" и так далее именно книгами, а не сборниками стихов. Она искусно и основательно составляла отделы готовившихся к печати и выходявших или попадавших под нож сборников, была мастером соединения стихотворений в циклы. Однажды, когда прихотливое стечение событий и превратное их объяснение привело к ссоре между нами, она гневно прогвозорила: "А что касается стихов, то цикл у вас готов, только первым поставьте последнее по времени стихотворение, советую как опытный товарищ". А Поэма - при самом строгом авторском наблюдении за ее композицией - писалась сама, и чаще приходилось не впускать в нее принимавший ее внешность кусок, чем загонять в строфы прямо к ней относившийся, но фор-

мально самостоятельный.

Ахматова собирала мнения о Поэме, сама писала о ней, будущая судьба Поэмы ее волновала, она опасалась, что текст слишком герметичен или представляется таким. Рассказывала, что одна поклонница, декламировавшая стихи с эстрады, спросила у нее: "Говорят, вы написали поэму без чего-то? Я хочу это читать".

Поэма была для Ахматовой, как "Онегин" для Пушкина, сводом всех тем, сюжетов, принципов и критериев ее поэзии. По ней, как по каталогу, можно искать чуть ли не отдельные ее стихотворения. Начавшись обзором пережитого, а стало быть, написанного, она сразу взяла на себя функцию учетно-отчетного грессбуха - или электронной памяти современных ЭВМ, - где, определенным образом перекодированные, "отмечались" "Реквием", "Ветер войны", "Шиповник цветет", "Полночные стихи", "Пролог" - словом, все крупные циклы и некоторые из вещей, стоявшие особняком, равно как и вся ахматовская пушкиниана. Попутно Ахматова совершенно сознательно вела Поэму и в духе беспристрастной летописи событий, возможно, осуществляя таким своеобразным способом пушкинско-карамзинскую миссию поэта-историографа.

Подобно мозгу, получившему достаточно сведений, чтобы на их основе и логике получать новые "из самого себя", Поэма производила новые строки как бы без участия автора.

Все уже на местах, кто надо,
Пятым актом из Летнего сада
Пахнет...

- Пьяный поет моряк...

Моряк, матрос - центральная фигура революции - занял место в картине предреволюционного ожидания сразу, всплыв ли из памяти, сойдя ли с холста Татлина, с позднейших ли плакатов или из блоковской поэмы. Но само расположение последней строчки на бумаге словно бы предполагало внутри ее дополнительное содержание, и дыхание строфы очередным своим видом вдруг расправило эту морщину:

Пахнет... Призрак цусимского ада
Тут же. - Пьяный поет моряк.

Можно с большим или меньшим успехом гадать, не был ли толчком для появления нового стиха пастернаковский "Матрос в Москве":

Был ветер пьян - и обдал дрожью
С вина - буян.
Взглянул матрос (матрос был тоже,
как ветер, пьян). -

к которому тянется строчка из следующего за ним стихотворения:

Январь, и это год Цусими.

Однако существеннее толчка к той или иной вставке само устройство Поэмы, множество ее пазух, куда можно по необходимости вложить или, что то же самое, где можно обнаружить новый стих, а то и блок новых стихов. Внутри ее все уже содержится, и вариант 40-х годов отличается от варианта 60-х объемом, но не полнотой - как аэростат, который готов к полету и надутый до половины и целиком. По тому же принципу устроена и гармошка смыслов каждой строки, отзвывавшаяся по мере растягивания новыми комментариями. Кто-то из читателей заметил, что стихи "Или вправду там кто-то снова между печкой и шкафом стоит" перекликаются с "Бесами", со сценой перед самоубийством Кириллова, когда он прячется в углу между стеной и шкафом. Ахматова многим об этом совпадении рассказывала, не уточняя, случайное оно или задуманное, а, как казалось, преследуя цель сколь можно большему числу непосвященных открыть метод поэзии.

Это магическое ее свойство - прятать в себе больше, чем открывать, - одно из главных, но не единственное. В опубликованной прозе о Поэме, в так называемом "Втором письме", Ахматова, искренне или притворно, недоумевала: "Л.Я. Гинзбург считает, что ее магия - запрещенный прием - why" - а в стихах о Поэме уже сама открыто призналась:

Не боюсь ни смерти, ни срама,
 Это-тайнопись-криптограмма,
 Запрещенный это прием.

О спрятанных в Поэме непрочитанных-или нечитаемых-криптограммах дают знать те, что выступают кое-где на поверхность. Одна из строф, замененных при публикации строками точек со сноской: "Пропущенные строфы - подражание Пушкину", посвященная "каторжанкам, стоянницам, пленницам" времени террора, заканчивается жутким каламбуром:

Посиневшие стиснув губы,
 Обезумевшие Гекубы
 И Кассандры из Чухломи,
 Загремим мы безмолвным хором
 (Мы, увенчанные позором):
 "По ту сторону ада мы".

Одаренная "тайнственным песенным даром", Ахматова распорядилась им мудро и бережно. Не полагаясь, как большинство молодых поэтов, на "нутряной" талант, она пустила его в оборот; уже первые свои опыты соотнося и соразмеряя с тем, что предлагало ей великое торжище многовековой разноразличной поэзии и шире - всего искусства вообще. Питая свое творчество энергией творчества дальних и ближних предшественников, обмениваясь находками и достижениями с современниками, она всю жизнь участвовала в том процессе обогащения поэзии, когда собственный голос наполняется эхом чужих голосов, а сию минуту возникший стих делает более и по-новому содержательной чужую строку или мелодию, послужившие ему источником. Она разработала и встроила сложнейшую систему поэтических зеркал, многократно отражаясь в которых, каждый элемент ее поэзии и вся поэзия целиком составили новую вселенную, чудесным образом вместившую в себя обозримое искусством мироздание. Ее бездонность заставляет забывать о ее иллюзорности.

Свою жизнь Ахматова воспринимала как судьбу, то есть, во-первых, как нечто предначертанное свыше, Божий промысел, требующий достойного и смиренного исполнения, а во-вторых — как нечто цельное, ценное, всяким своим проявлением важное, исключаящее какую бы то ни было случайность. Ей выпала роль и миссия завершителя двухвековой петербургской, а в более широком смысле — несколькихвековой русской культуры. Революция отказалась от критериев, оценок и достижений, которые эта культура накапливала в многообразном, не исключавшем внутренних противоречий, но поддерживаемом общей основой и общим направлением процессе на протяжении почти тысячелетия. Ахматова вступила в новый период сложившимся человеком и до конца жизни ни морали, ни принципов, ни вкусов не меняла. Несравненно большая и глубокая общность взглядов связывала ее с автором "Слова о полку Игореве", чем с поэтами и писателями на 20–30 лет моложе ее. Русскую культуру она получала из рук своих домашних, близких, друзей, предшественников, и они передавали ее входившей в права наследства Ахматовой постепенно, бережно и полно, а не впопыхах, случайно и клочками, как в 50–60-е годы, когда наше поколение пыталось наладить "связь времен!"

Из юношеских писем и ранних, еще до "Вечера", стихов Ани Горенко встает образ провинциальной девушки, в манере чеховских героинь, протестующей против душного, безрадостного существования среди чужих по духу людей. Но уже к 1910 году это Анна Ахматова, которую отныне ни с кем не спутаешь, которая осталась равной себе до последних дней. Несколько полубогемных лет принесли ей известность, привили натуре артистизм высокой пробы, определили направление жизни. Первый день первой мировой войны навсегда убрал изящные декорации и оставил ее на голой сцене. С этого дня ни один удар жестокой эпохи не миновал ее. Проводя самых дорогих людей на бесконечную лагерную муку, на смерть, стояние в тюремных очередях, нищета, бездомность, гражданская казнь, слезка, поругание — все это она приняла и вынесла, не уступив, не отчаявшись, не сойдя с ума. Не прекращая писать стихи. Для тех, кто жил

в одно время с ней, она стала образцом и олицетворением стойкости, живым символом победы человека над бесчеловечностью. Слабеющим и готовым капитулировать современникам она придавала сил самим фактом своего выживания и несдачи. Ее же слабость, ее вымученные стихи "Слава миру" только привлекали к ней, вызывая сострадание, делая более понятной, лишая отчужденности безизъянного героя. Она прожила долгую жизнь, совпавшую по времени с затянувшейся первой половиной XX века, и эпоха словно бы персонифицировалась в ней. Только тюрьма, десятилетиями дышавшая за ее плечом, обошла ее, но если попытаться нарисовать условный портрет "средней" русской судьбы этого периода, сложив все без исключения судьбы и разделив на число вынесших их людей, у него будут черты Ахматовой. Трагедия лежала в самой основе ее жизни, ее фигура была трагической еще до наступления новой эпохи ("В том доме было очень страшно жить..." и т.д.), но эпоха с небывалой щедростью снабдила ее всеми компонентами трагедии: пролитием крови, безутешными слезами, бесчисленными могилами. Доблестно прожитая трагическая судьба дала ей право написать: "Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был" - и одновременно: "Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных".

* * * * *

* * * * *

* * * * *

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разной ценой...
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах - и страшная минута
Прощания с моей родной страной.

Дюрмень, 1942

ПАМЯТИ РАИСЫ ОРЛОВОЙ

Раиса Давидовна Орлова - критик, литературовед, публицист - скончалась 31 мая после тяжелой болезни, меньше двух месяцев не дожив до семидесяти одного года. Последние слова ее, несколько раз повторенные, были: "Нужны примечания к тексту".

Мы никогда не узнаем, думала ли она в эти минуты о новой незаконченной работе или имела в виду нечто большее - книгу жизни. Многие годы преследовало ее ощущение недосказанности, и она вновь и вновь перебирала все случившееся на ее веку, пыталась ответить себе и читателям, как вышло, что в молодые и зрелые годы верила в ложь своего времени и была невольной соучастницей этой лжи и зла, до конца ли испустила то, в чем считала себя виноватой. Из этих неустанных раздумий родилась, наверное, лучшая ее книга "Воспоминания о непрошедшем времени" - мужественный пример покаяния, без оправданий, без скидок на молодость и всеобщее оглушение. Книга писалась долго - 20 лет. Раиса Орлова рассказывала в ней о себе, как рассказывал бы врач, поставивший опасный эксперимент на собственном организме: вот здесь не ошибитесь, не упустите возможности излечения, не примите необратимой дозы. А точка в повествовании так и не поставлена, окончательного ответа автор не нашел. Пожалуй, особая ценность книги именно в этом, разуверились мы в окончательных ответах.

Дочь страшной эпохи, она считала себя человеком счастливым. Была счастлива в родителях, которых к тому же не коснулось ледяное дыхание ГУЛага, любила и была любима в первом браке, и хотя осталась в 1942 году "военной вдовой", это все-таки утешительнее, чем быть вдовой "врага народа", "изменника родины", была счастлива встретить Льва Копелева и прожить с ним треть века, счастлива в детях и внуках. От природы было ей много дано - обаяние и женская привлекательность, смелость, энергия, работоспособность, и поначалу так удачно складывалась карьера, что она могла бы сделаться

номенклатурной дамой, разъезжающей по заграницам, заседающей в редакциях, комиссиях и президиумах, постоянной составляющей советского эстаблишмента. Но для этого она была слишком живым человеком - любопытным и не ленивым, и ей выпало счастье иного рода - в бесчисленных друзьях отечественных и иностранных, посчастливилось оказаться в кругу таких людей как Анна Ахматова, Гёвряк Белль, Александр Солженицын, Корней и Лидия Чуковские, Андрей Сахаров, Александр Галич, Фрида Вигдорова. Другой бы это принял за должное. Раиса Орлова - считала себя в неоплатном долгу и выплачивала свой долг, как могла, честно. На склоне лет она оказалась среди гонимых, была выброшена из партии, в которую вступила 22 июня 1941 года, из Союза писателей, лишилась возможности печататься, лишилась родины, а вдогонку, как водится, и гражданства, которого, как теперь выясняется в эпоху гласности, никто у человека отнять не вправе - никакой президиум, ни даже всенародный референдум.

Она никогда не пожалела об этом новом пути, а лишь о том, что вступила на него позже других. Слишком долго верила, когда уже многие вчнулись. Верила в "дело врачей". Верила, что права партия, а не Ахматова и Зощенко. Голосовала, как надо. Ходила в "совет нечестивых". Истово и темпераментно разделяла общие иллюзии и заблуждения, даже и те, что XX или XXII съезды преобразят лицо системы. Право, ее вина в этом не больше, чем у тех, кто с нею благополучно справился, а теперь так выгодно перестроился. Больше оказалось - совестливости и нравственного чувства. И, конечно же, было за что властям преследовать ее как "ренегата". Ведь это она принесла в "Новый мир" маленькую повесть рязанского учителя - З/К "Щ 854", ставшую известной миру как "Один день Ивана Денисовича". Правда, ни сама Раиса Орлова, ни Лев Копелев не принадлежали ни к каким диссидентским группам и кружкам, но их московская квартира стала центром притяжения инакомыслящих, тем "вражеским гнездом", откуда уходили на запад неприкаянные рукописи и безответные обращения к государственной мудрости руководителей, составлялись протесты и

собирались подписи.

За все это ей позволили впервые съездить в Москву и встретиться с близкими и друзьями лишь после семи лет эмиграции и после того, как стало известно, что ее положение безнадежно. Во второй раз она вернулась оттуда едва живая — дорого обходятся такие встречи изгнанникам. И это при том, что мало найдется людей, которые свою мучительную смертельную болезнь переносили с таким терпением и мужеством. Радужная хозяйка кельнской квартиры выходила к гостям, не высказывая даже намека на боль и горькое сознание обреченности. В свои 70 она не была старухой, она оставалась женщиной, обаятельной и неутомимой собеседницей, легкой на подъем путешественницей.

Мы разделяем горе и скорбь Льва Зиновьевича Копелева и всех близких, что ее уже нет в этом мире. Но сделанного ею добра, ее преданности друзьям, активной доброжелательности, которыми славилась Рая Орлова, Рая Копелева, мы никогда не забудем. Останутся с нами ее книги, ее летучие статьи, отклики, заметки, рецензии, ее бесценные свидетельства о времени и о людях, украсивших ее жизненный путь.

Василий АКСЕНОВ, Петр ВАЙЛЬ, Томас ВЕНЦЛОВА, Георгий ВЛАДИМОВ, Александр ГЕНИС, Арина и Александр ГИНЗБУРГИ, Анатолий ГЛАДИЛИН, Елена и Сергей ДОВЛАТОВЫ, Ксения и Никита КРИВОШЕИНЫ, Наталья КУЗНЕЦОВА, Евгений МАЗЕЙ, Галина и Владимир МАЛИНКОВИЧИ, Ольга СИДЕЛЬНИКОВА-ИКРАМОВА, Владимир ФИШЕР.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

АЛЛИЛУЕВА, СВЕТЛАНА (р.1925)

"Далекая музика"
США, 1988

Третья автобиографическая книга дочери Сталина. В ней - подробности ее побега из СССР, история публикации первой книги "20 писем к другу" и конфликта с американскими издателями, неудачное замужество, воспитание дочери. Интересна также ее точка зрения на проблему приспособления эмигранта из России к условиям западной жизни. Двадцать фотографий из семейного альбома и документы об издании двух первых книг.

АВТОРХАНОВ, А. (р.1910)

"Империя Кремля"
Советский тип колониализма.
ФРГ, 1988

Известный на Западе (и в СССР) историк, специалист-аналитик по технологии советской власти, партократии и политики Кремля, А.Авторханов исследует в настоящей книге национальный вопрос и историю национальной политики партии большевиков. При этом он считает, что советский (идеократический) тип империализма сильно отличается от классического типа империй прошлых времен тем, что он несравнимо более опасен, ибо обращает покоренные народы в коммунистическую веру, разрушает их культуру, присваивает богатства стран, навязывает свой образ жизни - и ради этого не останавливается перед геноцидом этих народов.

БУШ, ДЖОРДЖ

"Только вперед"
Автобиография.
США, 1988

Нынешний президент США знакомит читателей с исключительно интересными подробностями своего 10-летнего пребывания

(1967-77) на посту шефа ЦРУ. А также с более ранним периодом - временем формирования характера, мировоззрения, жизненной философии.

ГРИН, АЛЕКСАНДР (1880-1932)

'Психологические
новеллы'

Москва, 1988

Творчество этого писателя широко известно, но многие стороны его дарования до сих пор еще остаются в тени. Вошедшие в книгу произведения объединены углубленным психологизмом, пристальным интересом к тайнам и скрытым возможностям человеческого сознания.

Из с о д е р ж а н и я: "Кирпич и музыка". "Рука". "История одного убийства". "Пассажир прижков". "Подаренная жизнь". "Загадка предвиденной смерти". "Преступление отпавшего листа". "Повесть, оконченная благодаря пуле". И др. Всего 32 новеллы.

МАКАНИН, ВЛАДИМИР

Повести: "Предтеча".
"Утрата". "Один и
одна".

Москва, 1988

"Владимир Маканин писатель редкого дара и редкой темы. Пестрый сор его "картин", их причудливо резкие сюжеты написаны как бы на бархатно-черном, бездонном фоне; за ними тайна и глубина. И с них ощущение общего тока жизни, взаимозависимости людей, которые, кажется, знают друг друга не знают и знать не хотят..." (Из предисловия И. Соловьевой).

МИЛЛЕР, ГЕНРИ (1891-1980)

"Тропик рака".

1-я часть трилогии.
(2-я и 3-я части:

"Тропик Козерога"
и "Черная весна").
США, 1988.

Творчество Миллера 30-х годов - откровенная эротическая проза - наложило неизгладимый отпечаток на всю последующую мировую литературу. Его проза, поначалу запрещенная, сегодня признана одной из лучших в американской литературе. На страницах "Тропика рака" возникает такой богемный "живой Париж", какой не найти ни у Рабле, ни у Пруста, ни у Мопассана, ни у Гюго, ни у Золя. Представлена и эмигрантская богема, в которой много русских.

ЧУКОВСКАЯ, ЛИДИЯ

Повести: "Софья
Петровна". "Спуск
под воду".
Москва, 1988

Настоящий сборник - первое издание в СССР двух повестей Лидии Чуковской. В них нашли художественное осмысление два из бесконечного множества в истории России XX века года - 1937 и 1949. Одна из удивительных особенностей этих повестей в том, что написаны они почти в одно время с изображаемыми событиями.

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА САМСОНОВА

7-го мая 1989 г. в г. Мюнхене в Баварии тихо скончалась Вера Александровна Самсонова, дочь генерала Самсонова. Вера Александровна родилась в С.-Петербурге 4 августа 1902 г. Первые годы она провела с родителями в Ташкенте, где ее отец командовал армией до назначения на Западный фронт. Во время революции она уехала с матерью и старшим братом в Болгарию, где закончила гимназию и университет по политической экономике. Она прекрасно владела иностранными языками: английским, французским, немецким, болгарским. До отъезда в Болгарию в 1924 г. Вера Александровна работала два года в г. Одессе в американской организации помощи АРА и в Европейском студенческом фонде. Во время второй мировой войны и оккупации она работала во французском издательстве редактором журналов.

После войны Вера Александровна была переводчицей при американском Командовании в Германии и чиновником UNRRA, IRO и международной организации помощи (ISS).

В 1953 г. Вера Александровна начала активную работу в Толстовском Фонде в Австрии; позднее, в 1956 г., в Иране.

С 1959 г. она приняла должность заведующей всеми отделами Фонда в Европе и на Ближнем Востоке. Принимала участие в заседаниях Организации Объединенных Наций и международной организации помощи беженцам в Женеве.

В 1978 г. Вера Александровна была выбрана членом Правления Фонда в связи с уходом на пенсию.

Вера Александровна была человеком большой эрудиции и могла поддержать и вести беседы на любом уровне, даже в вопросах государственного и политического масштаба с государственными представителями.

В свое время она оказала большую помощь северо-кавказцам, бежавшим с территории Кунетра в Сирии, помогая им эмигрировать на Запад и в США после шестидневной войны.

Вера Александровна помогла староверам переехать из Турции в Америку, а также в их устройстве на западном побережье США и на Аляске.

Она отдала много времени и сил в получении разрешений и фондов на открытие и содержание старческих домов во Франции, в Германии и в Иране при участии Высокого Комиссара по Делах Беженцев при Организации Объединенных Наций и местных организаций. Она достигла больших успехов в переговорах с иранскими властями, чтобы помочь беженцам из СССР.

Вера Александровна пользовалась уважением и авторитетом везде, где ей приходилось от имени Толстовского Фонда защищать интересы беженцев.

Веру Александровну любили и уважали все окружающие ее люди: родственники, коллеги, друзья.

До конца своих дней она оказывала помощь пожилым людям, беженцам и поддерживала все начинания для укрепления и сохранения русской культуры за границей.

Вечная память этой незаурядной русской женщине.

Т. БАГРАТИОН-МУХРАНСКИЙ

**Председатель
ТОЛСТОВСКОГО ФОНДА**

План мероприятий на III квартал 1989 г.

13. 7. 1989 г.

"Вечер песни"

Лариса Герштейн

*В программе старинные, современные
русские песни и романсы.*

27. 7. 1989 г.

Концерт

Леонгард Рихгоф - рояль

В программе произведения

*Л. ван Бетховена, С. Рахманинова
и А. Скрябина.*

14. 9. 1989 г.

Литературный вечер.

28. 9. 1989 г.

Концерт.